

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Александр Костюхин*
Марьяна Баталова**

Настоящая работа представляет собой исследование основных проблем юридической терминологии в турецком языке в ходе её становления и развития.

Проблематика вопросов, связанных с тематикой настоящего исследования является крайне актуальной, поскольку обусловлена целым рядом обстоятельств. Во-первых, развитие законодательства Турецкой Республики во многом происходило путем рецепции материала из западноевропейских правовых актов, что обусловило необходимость перевода западноевропейских юридических терминов. Во-вторых, нельзя не отметить, что турецкая юридическая терминология формировалась в дореспубликанский период и поэтому содержит большое количество заимствований из арабского и персидского языков. Между тем, языковые преобразования, проведенные в Турецкой Республике в XX веке, предопределили необходимость постепенного замещения арабских и персидских терминов их аналогами из турецкого языка.

Две вышеуказанные проблемы являются предметом исследования в настоящей статье.

Безусловно, неоспорим тот факт, что юридический язык любой страны является профессиональным языком, следовательно, обладает специфическими особенностями. Среди основных особенностей юридического языка следует выделить следующие:

Во-первых, юридический язык отличается от обычного языка, в первую очередь, присущей только ему особенной терминологией и стилистикой.

Во-вторых, в юридических документах наблюдается наличие очень длинных предложений. Подобное «пристрастие» обуслов-

лено необходимостью поместить всю информацию по определенной теме в одном предложении для того, чтобы уменьшить неопределенность, которая может возникнуть в случае, если соответствующие положения будут размещены в отдельных предложениях. В Турции данная особенность предопределяет частое использование в юридических текстах деепричастий на “-ıp”, “-arak”, грамматической конструкции “-diğ gibi”, соединительных и разделительных союзов “ve”, “ya”, “veya”, “yahut”, “veyahut” («и», «или») для объединения слов и фраз в предложении.

---

* Костюхин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры языков Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России.

** Баталова Марьяна Рашитовна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В-третьих, ещё одной особенностью является активное использование абстрактных понятий юридического языка. Несмотря на то, что юристы стараются быть как можно точнее, они, одновременно, стараются использовать общие и абстрактные формулировки.

В-четвертых, в юридическом языке существует множество слов, представляющих собой необычную и техническую терминологию, что делает его трудно понятным для широкого круга пользователей (лиц, не являющихся профессиональными юристами). К примеру, слово “ahzukabza” (“teslim ve tesellüm” – «сдача и приёмка с юридическим сопровождением») не применяется за рамками юридического дискурса.

Еще одной, характерной именно для Турецкой Республики особенностью юридического языка, которая, по мнению авторов, создает наибольшие проблемы для понимания сторонами существа вопроса во время судебного разбирательства, является тот факт, что его терминология зачастую либо заимствована из других языков, либо архаична. В частности, это связано с тем, что развитие законодательства Турецкой Республики во многом происходило путем рецепции материала из западноевропейских правовых актов, что обусловило необходимость поиска или создания турецких эквивалентов иностранным терминам. Кроме того, нельзя не отметить, что турецкая юридическая терминология формировалась в течение долгого времени и содержит большое количество слов, заимствованных из арабского и персидского языков. Согласно статистике, в середине XX века на их долю приходилась практически половина юридической терминологии [1]. Турецкий юридический язык сохранил слова, которые вышли из повседневного речевого обихода и их можно найти только в османско-турецких словарях, которые специально издаются для носителей современного турецкого языка. Между тем, языковая реформа, проведенная в Турецкой Республике в XX веке, предопределила необходимость постепенного замещения арабских и персидских терминов их аналогами из турецкого языка.

Таким образом, именно исторические факторы, во многом, могут объяснить стилистическую традицию и характер современной турецкой юридической терминологии. В связи с этим обратимся к особо значимым фактам истории развития современного турецкого законодательства.

Пример развития законодательства Турецкой Республики является исключитель-

но интересным ввиду того, что в течение долгого времени Турция относилась к категории стран, основывающих свое национальное право на религии ислама. Однако на сегодняшний день Турецкая Республика является светским государством, и религия ислама более не оказывает влияния на позитивное право Турецкой Республики, что подтверждается как доктриной [4. С. 234; 2. С. 22-25], так и законодательством. Согласно Преамбуле Конституции 1982 г., «как требует того принцип светского государства, священные религиозные чувства никоим образом не должны влиять на государственные дела и политику» [15].

Попытки «европеизации» права начались в Турции более полутора веков назад и продолжаются, хотя и на совершенно другом уровне, по сей день. В этом, пожалуй, состоит характерная особенность турецкого права – постоянное обновление национального законодательства путем рецепции правовых институтов европейских стран. Начало процесса подобной рецепции можно отнести к 1840 г., когда в Османской империи был принят Уголовный кодекс, составленный на основе Французского уголовного кодекса 1810 г., а также к 1850-м годам, когда в турецком гражданском законодательстве произошло заимствование норм французского права.

Морское законодательство Турции имело в качестве основы соответствующие положения Германского торгового уложения 1897 г. Принятый в период кемалистских реформ (1920-е годы) новый Уголовный кодекс 1926 г. был основан, главным образом, на итальянском Уголовном кодексе 1889 г. Впоследствии Уголовный кодекс 1926 г. неоднократно подвергался пересмотру. Так, к примеру, в 1930-е гг. были сделаны заимствования из уголовного законодательства фашистской Италии, в частности, предусмотрена уголовная ответственность за коммунистическую деятельность и пропаганду.

Турецкий профессор Т. Ансай отмечает, что в указанный период (1850–1923 гг.) мусульманское право и право европейской модели функционировали параллельно до момента установления Турецкой Республики (1923 г.). По мнению исследователя, уже в 1966 г. можно было утверждать, что «законодательство Турции является полностью современным, и, по сути, сохранилось лишь несколько отпечатков мусульманского права» [8. С. 9]. Это касалось лишь статей о правах женщин в браке и при разводе.

Л.Р. Сюкияйнен отмечает, что ввиду официальной отмены халифата в Турции в 20-е годы XX века мусульманское право во всех отраслях (в том числе, и в сфере регулирования брачно-семейных отношений) было заменено законодательством буржуазного типа, составленным на основе заимствования западноевропейской юридической модели. Таким образом, в настоящее время мусульманское право полностью утратило свои позиции в качестве системы действующих правовых норм [5. С. 102]. Профессор Н. Гюрпынар пишет, что в связи с установлением в 1923 г. Турецкой Республики было необходимо в срочном порядке реформировать право, которое бы соответствовало принципам нового молодого государства [12. С. 142].

Турецкое законодательство XX века во многом заимствовано из законодательства Швейцарии. Например, Турецкий гражданский кодекс от 4 октября 1926 г. представляет собой несколько измененный Швейцарский гражданский кодекс 1907 г. (в части положений о физических и юридических лицах, семейных правоотношениях, отношений в сфере недвижимости и интеллектуальной собственности). Т. Ансай среди причин выбора швейцарского опыта отмечает следующие: во-первых, Швейцарский гражданский кодекс 1907 г. представлял собой один из наиболее передовых законодательных актов того времени, который приобрел всемирную славу, в том числе, и ввиду простоты и лаконичности используемого языка; во-вторых, нейтралитет, являющийся основополагающим принципом внешней политики Швейцарии, представлялся исключительно привлекательным для Турции, не желавшей испытывать политическое влияние со стороны европейских стран; в-третьих, Шюкрю Сараджоглу, занимавший пост министра юстиции Турецкой Республики в период подготовки Турецкого гражданского кодекса (1924–1925 гг.), получил образование именно в Швейцарии [8. С. 10]. Турецкий лингвист Эсин Орюджю также отмечает, что турецкий законодатель предпочел использовать опыт швейцарского законодателя, а не французского или немецкого, ввиду того, что Швейцарский гражданский кодекс не использует сложный технический язык, а, следовательно, лаконичный акт проще будет перевести на турецкий язык.

Однако помимо этого он справедливо замечает, что швейцарский законодатель: во-первых, учитывает и обобщает опыт и

традиции множества швейцарских кантонов; во-вторых, закрепляет краеугольные юридические принципы, такие как принцип демократического равенства, принцип свободы договора, принцип равенства прав, а также равенства полов. Кроме того, по мнению Э. Орюджю Швейцарский гражданский кодекс с точки зрения используемой терминологии является менее двусмысленным и более практичным, чем другие аналогичные акты [11].

По мнению многих исследователей, современное гражданское право Турции сложилось именно в 1926 г., когда были восприняты Гражданский кодекс и, частично, Обязательственный закон (в ред. 1911) Швейцарии. Вместе с принятием Гражданского кодекса ушёл в прошлое Меджелле (1) [16] – свод османских законов, а также Земельный кодекс 1858 года. Однако следы этого свода законов мы находим в терминологии и стилистике современного юридического языка Турции, поскольку современный литературный турецкий язык в то время находился в стадии становления и испытывал на себе большое влияние османского языка.

Подобная ситуация, связанная с рецепцией иностранного законодательного опыта, характерна для многих правопорядков. Развитие общих принципов права в национальном пространстве главным образом основано на череде заимствований, восприятия юридического опыта других, более развитых стран. Нельзя не согласиться с А. Уотсоном, который, описывая рецепцию швейцарского законодательства в Турции, отмечает, что разработка самостоятельного правового регулирования – это неизмеримо более трудоемкий процесс по сравнению с возможностью «заимствования уже существующего законодательства, тем более, такого совершенного, как швейцарское» [7. С. 329]. Немецкий исследователь Р. Циммерманн, рассматривая опыт «переноса» швейцарского права в Турцию, справедливо отмечает, что наблюдение процессов рецепции и, в частности, межкультурного правового трансфера неизменно приводит к преобразованию правовой культуры страны-реципиента [6]. Другой немецкий исследователь Г. Шлесслер указывает, что эта рецепция не была ни экстраординарной, ни совершенно неожиданной, и путем рецепции в 1926 г. швейцарского частного права Турция «окончательно покинула исламскую правовую семью» [14. С. 214].

В данном контексте интересно отметить мнение турецких исследователей о рецеп-

ции европейского законодательства в Турецкой Республике. Так, профессор Х. Кабалиоглу, анализируя проблемы, с которыми Турция столкнулась в связи с проведением переговоров о вступлении в Европейский Союз, отмечает, что, несмотря на действие в современном праве Турции многих положений, воспринятых из европейских правовых актов, все равно остаются сомнения в возможности полной имплементации европейского права [3; 13]. По всей видимости, подобная оценка связана с тем, что развитие турецкого права долгое время происходило отдельно от европейского, ввиду чего правовая культура Турецкой Республики не может в одночасье «перестроиться» на европейский лад.

Аналогичные тенденции характерны и для юридической терминологии. Процесс рецепции иностранного права неизбежно приводит к изменению, либо преобразованию не только правовой культуры страны-реципиента, но и ее юридической терминологии.

Оценивая процессы модернизации, секуляризации и демократизации «молодой» Турецкой Республики путем рецепции законодательства основных континентальных юрисдикций как по форме, так и по содержанию, Э. Орюджю считает, что турецкая правовая база была синтетически создана с помощью добровольно введенных приемов, имитаций и корректировок, в результате чего Турция получила «эkleктичную», «синтетическую» правовую систему, «переведенную иностранную модель» [11. С. 460].

К примеру, при подготовке Гражданского кодекса Турции 1926 г. перед комиссией из двадцати шести человек была поставлена задача перевести Гражданский кодекс Швейцарии, составленный на трех официальных языках: на немецком, французском и итальянском [11. С. 462]. Однако данные версии не совпадали между собой. Таким образом, перед турецким законодателем неизбежно вставала проблема выбора наиболее подходящего слова.

Так или иначе, в переведенные тексты на турецкий язык стали закрадываться ошибки и неточности формулировок, на которые прямо указывал Джевдет Ментес, председатель Высшего кассационного суда Турецкой Республики [9. С. 2].

Примечателен в этом плане опыт профессора Эрнста Хирша, который был одним из немногих иностранных профессоров, работавших в Турции в середине XX века.

Так, он рассказал о своем опыте преподавания Коммерческого права Турции. Однако ввиду того, что он не знал турецкого языка, он использовал два неофициальных французских перевода Турецкого коммерческого кодекса, которые не были идентичными. Он отмечает, что в подготовке коммерческого Кодекса (1926-1929) переводчики использовали различные версии разных иностранных кодексов. Таким образом, Турецкий коммерческий кодекс получился «эkleктичным ввиду использования неунифицированной терминологии» [10. С. 173].

Профессор Хирш указывает, что помимо того, что он изучал Турецкий коммерческий кодекс на двух противоречащих друг другу вариантах перевода на французский язык, а читал лекции на немецком языке, впоследствии его лекции были переведены на турецкий язык, поскольку не все его слушатели (работники государственного аппарата, судьи, профессора, адвокаты и т.д.) знали иностранные языки [10].

Неопределенность формулировок в текстах турецких законов, основанных на переведенных законодательных актах западноевропейских государств, создает определённые проблемы правоприменителю в вопросах применения аналогии права и закона, а также практические сложности в применении норм турецкого права без соответствующих толкований и разъяснений высших судов (к примеру, Высшего кассационного суда).

Безусловно, в каждом конкретном судебном разбирательстве турецкие суды могут столкнуться с необходимостью в толковании того или иного термина и разрешить вопрос, формируя соответствующую судебную практику в отсутствие четких ориентиров, руководящих указаний со стороны вышестоящих судебных инстанций. Между тем, в целях унификации судебной практики и снижения рисков судебных ошибок данную проблему определенно следует решать путем законодательного закрепления правильных версий в тексте законов.

В нынешних условиях развития российско-турецких отношений практически по всем направлениям сотрудничества актуальным является юридическое сопровождение осуществляемых проектов, что делает актуальным подготовку юристов-международников со знанием турецкого языка, владеющих юридическим дискурсом турецкого языка и навыками юридического перевода.

Примечания

(1) «Меджелле» - Гражданский кодекс Османской империи, действовавший в конце XXI - начале XX веков. Кодекс вступил в силу в 1877 году и состоял из шестнадцати томов (содержащих 1851 статей), представ-

ляющих собой первую попытку кодифицировать часть шариата на основе закона исламского государства. На сегодняшний день Меджелле остается основой гражданского права в Иордании и Кувейте.

Литература:

1. Баскаков А.Н. Современная турецкая юридическая терминология и ее лексикографическое оформление // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 236-243.
2. Касевич Е.В., Станкевич Г.В. Государство в исламской концепции миропорядка // Общество и право. 2010. № 4.
3. Кичигин Н.В., Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал российского права. 2008. № 7.
4. Политическая культура стран ислама. М., 1981. Вып. 1.
5. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986.
6. Циммерманн Р. Римское право и европейская культура // Вестник гражданского права. 2007. № 4 // СПС «Консультант Плюс».
7. Alan Watson. A Common Private Law for Europe, 9 Maastricht J. Eur. & Comp. L. 329. 2002.
8. Ansay T. American-Turkish private international law. Parker School of Foreign and Comparative Law. Bilateral studies // Oceana publications, Inc., Dobbs ferry, New York. 1966.
9. Cevdet Mentec. Konuşma in Medeni Kanun'un 50. yılı, bilimsel hafta: 15-17 Nisan 1976, Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi. Yayınları No: 408.
10. Ernest Hirsch, Yasama ile Öğreti ve Yargı Arasındaki Karşılıklı Bağlılık' (Reciprocal Ties between Legislation, Education and the Judiciary) in 50. yıl armağanı: cumhuriyet döneminde hukuk, İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi No: 1888/421.
11. Esin Örüçü. A Legal System Based on Translation: The Turkish Experience // Journal of Civil Law Studies. Vol. 6. Issue 2. Winter 2013.
12. Gürpınar N. Die Entwicklung des Türkischen Eherechts seit der Rezeption des Schweizerischen Zivilgesetzbuches. Göttingen. 1966.
13. Peter-Christian Müller-Graff, Halük Kabaaloğlu Turkey and the European Union: different dimensions. 1st ed. Baden-Baden: Nomos, 2012.
14. Schlosser H. Grundzüge der neueren Privatrechtsgeschichte, Rechtsentwicklungen im europäischen Kontext. 10. Auflage. UTB, Heidelberg 2005.
15. Türkiye Cumhuriyeti Anayasası // Resmi Gazete № 17863, 09.11.1982.
16. <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e1492>.

SOME TRENDS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LEGAL TERMINOLOGY IN THE TURKISH LANGUAGE

This work is essentially the research of the main issues of the Turkish legal terminology in the process of its formation and development.

The issues concerning the subject matter of this research are very topical, since they are stipulated by a number of circumstances. Firstly, legislation of the Republic of Turkey was developed, in many respects, by reception of the legislative material from West-European legal acts, which caused the need for translation of West-European legal terms. Secondly, the Turkish legal terminology was formed

in the pre-republican period and, therefore, contained a great deal of words borrowed from the Arabic and Persian languages. Meanwhile, the linguistic transformations, which were conducted in the Republic of Turkey in the 20th century, predetermined the necessity for gradually substituting the Arabic and Persian terms by their analogs from the Turkish language.

The two above-mentioned problems are the subject of research in this article.

Alexander Kostyukhin,
Candidate of Science (History), Associate
Professor, Department of Middle East Languages,
MGIMO-University under the MFA of Russia

Maryana Batalova,
Candidate of Science (Law), Lecture,
Department of International Public and Private
Law, Faculty of Law, National Research
University Higher School of Economics, Moscow.

Ключевые слова:

Турецкая Республика, турецкий язык,
право, юридическая терминология,
рецепция, языковая революция.

Keywords:

Turkish Republic, Turkish language, justice,
legal terminology, reception, language
revolution.

References:

1. Baskakov A.N. *Sovremennaya turetskaya iuridicheskaya terminologiya i ee leksikograficheskoe oformlenie* [Modern Turkish legal language and its lexicographic registration] // *Tiurkskaya leksikologiya i leksikografiya* [Turkish lexicology and lexicography]. Moscow, 1971. P. 236-243.
2. Kasevich E.V., Stankevich G.V. *Gosudarstvo v islamskoi kontseptsii miroporiadka* [State in the Islamic concept of a world order] // *Obshchestvo i pravo* [Society and the right]. 2010. № 4.
3. Kichigin N.V., Egorova N.E., Ivaniuk O.A. *Tret'ia Mezhdunarodnaia shkola-praktikum molodykh uchenykh i spetsialistov po iurisprudentsii na temu «Effektivnost' zakonodatel'stva i sovremennye iuridicheskie tekhnologii»* [The third International school practical work of young scientists and experts in law on the subject «Efficiency of the Legislation and Modern Legal Technologies»] // *Zhurnal rossiiskogo prava*. [The Magazine of Russian law]. 2008. № 7.
4. *Politicheskaya kul'tura stran islama* [Political culture of the countries of Islam]. Moscow, 1981. Issue 1.
5. Siukiainen L.R. *Musul'manskoe pravo: voprosy teorii i praktiki: monografiia*. [Muslim right: questions of the theory and practice: monograph]. Moscow, 1986.
6. Tsimmermann R. *Rimskoe pravo i evropeiskaia kul'tura* [Roman right and European culture] // *Vestnik grazhdanskogo prava*. [Messenger of civil law]. 2007. № 4 // SPS «Konsul'tant Plus» [Union of Right Forces «Consultant Plus»].
7. Alan Watson. *A Common Private Law for Europe*, 9 Maastricht J. Eur. & Comp. L. 329. 2002.
8. Ansay T. *American-Turkish private international law*. Parker School of Foreign and Comparative Law. Bilateral studies // Oceana publications, Inc., Dobbs ferry, New York. 1966.
9. Cevdet Mentesh. *Konuşma in Medeni Kanun'un 50. yılı, bilimsel hafta: 15-17 Nisan 1976*, Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi. Yayınları No: 408 [Speaking of the civil code is 50. year, scientific week: 15-April 17, 1976, Ankara University Faculty of law. Publications No: 408].
10. Ernest Hirsch, *Yasama ile Öğreti ve Yargı Arasındaki Karşılıklı Bağlılık* (Reciprocal Ties between Legislation, Education and the Judiciary) in 50. yıl armağanı: cumhuriyet döneminde hukuk, İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi No: 1888/421 [The legislature and the judiciary between the Teachings of novels with ' (uses the Ties between Legislation, Education and the Judiciary) of 50. the gift of the year: Republican era law, İstanbul University, Faculty of law No: 1888/421].
11. Esin Örüçü. *A Legal System Based on Translation: The Turkish Experience* // *Journal of Civil Law Studies*. Vol. 6. Issue 2. Winter 2013.
12. Gürpınar N. *Die Entwicklung des Türkischen Eherechts seit der Rezeption des Schweizerischen Zivilgesetzbuches* [The Entwicklung of the Turkish matrimonial law since the adoption of the Schweizerischen Zivilgesetzbuches]. Göttingen. 1966.
13. Peter-Christian Müller-Graff, *Halük Kabaalıoğlu Turkey and the European Union: different dimensions*. 1st ed. Baden-Baden: Nomos, 2012.
14. Schlosser H. *Grundzüge der neueren Privatrechtsgeschichte, Rechtsentwicklungen im europäischen Kontext* [Main features of the newer private law history, legal developments in the European context]. 10. Auflage. [10th edition.] UTB, Heidelberg 2005.
15. *Türkiye Cumhuriyeti Anayasası* [The Constitution of The Republic of Turkey] // *Resmi Gazete* [Official Gazette] № 17863, 09.11.1982.
16. <http://www.oxfordislamicstudies.com/article/opr/t125/e1492>.